

ОТЗЫВ ОППОНЕНТА
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата богословия
иеродиакона Максима (Судакова)
**АСКЕТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРТИРИЯ-САХДОНЫ В
СВЕТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ**

Представленная диссертация о. иеродиакона Максима (Судакова) (далее — Автор) посвящена аскетическому учению известного восточносирийского писателя первой половины VII в. Мартирия (сирийский вариант имени — Сахдоны), епископа города Махозе д-Ареван в области Бет-Гармай иранской державы Сасанидов. Мартирий принадлежал к Церкви Востока — официальной церкви Персидской державы, отколовшейся от Православия в V—VI вв. на почве неприятия осуждения несторианства, но впоследствии воссоединился с Православной Церковью. В этой связи в современной богословской науке ставится вопрос о финальной конфессиональной ориентации Мартирия: в какой мере можно говорить о его православии? Автор предлагает свой ответ на этот вопрос, опираясь на собственное Исповедание веры Мартирия-Сахдоны, в котором особое внимание уделено вопросам христологии и полемике с официальной позицией Церкви Востока (в работе приводится перевод этого важного памятника). Но в центре внимания данного исследования — аскетическое наследие Мартирия. Это трактат «Книга совершенства», пяти писем к монахам и «Изречения мудрости».

Актуальность исследования не вызывает сомнения: сироязычные памятники по праву считаются важнейшими источниками для изучения церковной истории и истории богословской мысли, и потому они привлекают всё большее внимание современных исследователей. К концу прошлого века отечественная наука серьёзно отставала от мирового уровня в области исследования сирийских церковных авторов — что было особенно прискорбно, поскольку именно русские учёные-востоковеды стояли у истоков сирологии как самостоятельной научной дисциплины. По счастью, эту негативную тенденцию удалось переломить — и мы видим всё больше работ как светских, так и церковных учёных, специально посвящённых отдельным сирийским писателям. Однако возникшая объективно необходимость современных отечественных исследователей опираться на работы их зарубежных коллег ставит на повестку дня проблему критического восприятия тех или иных установок и положений, разделяемых и выдвигаемых различными авторами. Не секрет, что со времён возникновения европейской науки церковно-исторические и научно-богословские труды неизбежно носят на себе отпечаток той или иной системы взглядов, конфессиональных или идеологических установок. Очевидно, что в области богословских вопросов особенно важно, чтобы исследование велось в контексте православной традиции. Это, конечно, никоим образом не означает

«конфессиональной ангажированности» и не должно влиять на строгую научную объективность. Речь идёт об акцентах, которые ставит исследование, в том числе и о выборе исследовательских тем. Представленная работа, начатая под руководством замечательного российского патролога, приснопамятного профессора Алексея Ивановича Сидорова, представляет собой блестящий пример такого подхода. С одной стороны, именно памятники аскетики традиционно считаются наиболее ярким и центральным элементом всей сирийской духовной литературы. С другой — фигура Мартирия-Сахдоны исключительно важна как пример восточносирийского богословия, вставшего (по крайней мере, на какое-то время) на почву халкидонской христологии, и в связи с этим его аскетическое наследие приобретает особую ценность для православной традиции. Тем самым, представленная работа изучает теорию аскетики через призму духовного опыта одного из немногих авторов, не чуждых Православию и одновременно принадлежащих к самобытной сирийской традиции.

Автор впервые анализирует аскетическое учения Мартирия-Сахдоны с точки зрения православной традиции. Предлагает и обосновывает скорректированный взгляд на вероисповедание Мартирия. Выявляет в его сочинениях особую систему аскетического учения. Выявляет неизвестные ранее источники, которыми пользовался этот духовный писатель. Приведённые в Приложении переводы фрагментов произведений Мартирия не только необходимы для углублённого анализа содержащейся в них идей, но и демонстрируют владение Автором языком оригинала, а кроме того, предоставляют собой первый вклад в дело ознакомления русского читателя с литературным наследием этого важного, но пока ещё мало известного в России сирийского писателя.

Цель диссертации — систематически изложить аскетическое учение Мартирия-Сахдоны и выявить степень его соответствия православной традиции. Для её достижения в ходе работы выполнены следующие задачи: — изложение биографии автора исследуемых произведений; — анализ его христологического учения; — прояснение вопроса о его вероисповедной принадлежности, насколько это позволяют свидетельства источников; — выделение ключевых для теории аскетизма понятий, употребляемых автором; — анализ значения этих понятий в соответствии с контекстом их употребления; — выявление основной идеи в аскетическом учении Мартирия; — оценка мнений Мартирия в аскетике с точки зрения православного богословия.

Структура диссертации определяется задачами исследования и текстологической базой. Работа состоит из введения, основной части и заключения. Основная часть диссертации имеет пять глав. Первые три задачи решаются в первой и второй главах, остальные четыре задачи — в следующих трех. В первых главах дан историографический очерк и обзор биографии и литературного наследия автора, рассмотрен вопрос о его конфессиональной принадлежности. Остальные три главы посвящены непосредственно аскетическому учению Сахдоны, и их структура определяется не тем, как подает материал сам автор. После каждой главы подводятся

итоги. В конце, после заключения, списка источников и литературы, следуют приложения: 1) словарь основных терминов, 2) перевод трех фрагментов из произведений Сахдоны, 3) карта Западного Ирана VII в.

Методологическая специфика исследования заключается в применении к источникам оценки с точки зрения их отношения к православной традиции. Произведения иноконфессиональных авторов всегда рассматриваются под призмой строгой критики, а сочинения самого Мартирия — поскольку его конфессиональная принадлежность остается не вполне выясненной, — рассматриваются особенно внимательно с целью не допускать именования православными тех идей, которые таковыми не являются, и оценивать конфессиональную позицию автора на основании его собственных изречений. Такой подход вполне обоснован с научной точки зрения, поскольку исследовательской задачей является именно соотнесение аскетического наследия Мартирия с православной традицией.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на сомнительность конфессиональной принадлежности Мартирия-Сахдоны, его аскетическое учение укоренено в православной церковной традиции, будучи сформировано под влиянием как греческих, так и сирийских святоотеческих произведений.

На защиту выносятся следующие положения: 1) Мартирий-Сахдона в продолжение многих лет не имел твердой позиции в определении своей конфессиональной принадлежности, а сведения о последнем периоде его жизни предоставляют противоречивое свидетельство о его вероисповедании. 2) В христологическом учении Мартирия, изложенном в его «Книге совершенства», имеются очевидные признаки приближения к православному вероучению, но содержатся и высказывания, неприемлемые для Православной Церкви. 3) История рукописей с сочинениями Мартирия однозначно свидетельствует о его почитании в Православной Церкви. 4) Положение Мартирия по отношению к Православной Церкви остается невыясненным. 5) В произведениях данного автора прослеживается основная идея, которая состоит в обожении человека, преуспевшего в любви к Богу, главным образом, через молитву и созерцание. 6) Важность для Мартирия идеи обожения человека послужила одной из причин того, что он отверг официально принятую христологическую доктрину Церкви Востока, не усмотрев в ней необходимого для обожения единства природ в одной ипостаси Христа. 7) Основная группа литературных источников, под влиянием которых сформировался духовный опыт автора, отраженный им в его аскетических сочинениях, это Священное Писание и православная святоотеческая письменность. 8) Аскетическое учение Мартирия-Сахдоны, невзирая на некоторые в нем несущественные особенности, не имеющие обоснования в наставлениях святых отцов, в целом может рассматриваться как согласное с Преданием Православной Церкви.

Все эти положения Автор доказывает вполне убедительно. Дискуссионными представляются лишь отдельные моменты — что, скорее, говорит об успехе исследования, нежели о его недостатках. В частности, из приводимых цитат ясно, что

понимание Мартирием индивидуальной онтологической проекции человеческой природы Христа, которое он именует «храм Бога Слова», существенным образом отличается от предложенного Несторием концепта «лица единения». Решая известную проблему об ипостаси человечества в едином Лице Сына Божия, Мартирий стремится уйти от Сциллы монофизитства и Харибы несторианства, предлагая вполне оригинальную идею об уникальном характере ипостазирования божественной природы в человеческую природу посредством особого перцептивного феномена «храма Бога Слова». Можно считать эту концепцию зеркальным отражением теории о воипостазировании человечества в единое Лицо Богочеловека: но если в у представителей т.н. неохалкидонитского течения речь идёт о внедрении человеческой природы непосредственно в единое Лицо Бога Слова, то у Мартирия, наоборот, это единое Лицо производит «внедрение» (*τύαγμα*) в человеческую природу Богочеловека, у Которого при этом вовсе не предполагается наличие особого человеческого лица (ипостаси). Поэтому заключение Автора о том, что, «судя по всему, следует признать, что Мартирий допускал природные лица для каждой из природ, в соответствии с доктриной Церкви Востока, принявшей учение Нестория о лице единения» — представляется необоснованным. По крайней мере, из приводимых цитат Мартирия этот вывод вовсе не вытекает. Впрочем, христология Мартирия — тема особого исследования.

Использование Автором для анализа т.н. «евагрианской» 8-членной схемы помыслов, несомненно, облегчает сопоставление аскетической терминологии Мартирия с привычной православной систематизацией. Однако хотелось бы акцентировать отмеченное Автором обстоятельство, которое заслуживает самого пристального внимания: аскетическое учение Мартирия отталкивается в первую очередь от добродетелей, а не от страстей. Аретологические основания аскетики представляют важнейшую характеристическую черту восточнохристианской, и особенно сирийской, духовной традиции, и отсутствие в сочинениях Мартирия каких-либо попыток систематизации грехов само по себе является значимой характеристикой его аскетического наследия.

Сирийско-русский вокабуларий основных аскетических терминов, использованный Мартирием (Приложение 1), хорошо иллюстрирует эту особенность. Жаль, что Автор не разделил термины на грехи и добродетели: отсутствие такого разделения сбивает с толку. Кстати, существительное **ܙܾܻܸ** [zānyūṭā] ‘блуд’ происходит от общесемитской глагольной основы z-n-² (ср. еврейское **זָנָה** [zānā] и арабское **زنّى** [zanā] ‘прелюбодействовать’) и не имеет отношения к прилагательному **ܙܻܸ** [znā] ‘придворный, угодливый, обладающий хорошими манерами’ (которое происходит от древнеперсидского zana- ‘порода, тип, сорт; индивид’). Транскрипция **ܙܻܸ** должна выглядеть как [Pekta] — тем более, если это воспроизведение греческого τὸ ἔχθος ‘ненависть’ (указанное зачем-то в квадратных скобках ἔχθος — совсем другое слово, со значением ‘ноша, бремя’). Почему-то здесь в транскрипции игнорируется фрикативизация bgd-kft. И в других местах: почему *garpūṭā*, а не

rapyūṭā, śubhārā, а не śubhārā (от ḫ̄m ‘сиять’), metṭāpisnūṭā, а не metṭāpisnūṭā?

Следует оговориться, что эти и другие вопросы и замечания, возникающие по ходу чтения работы, лишь доказывают её высокий уровень и качественное исполнение. Признаюсь честно, что работы такого масштаба и такого качества нечасто встречались мне на уровне кандидатской диссертации. Уверен, что Автор порадует нас на новых квалификационных уровнях ещё более глубоким и всесторонним анализом наследия сирийского богословия.

Представленная на защиту работа обладает несомненной актуальностью и научной новизной, выполнена аккуратно и на высоком квалификационном уровне, написана добротным научным языком. Представленные Автора выводы представляются в достаточной степени обоснованными и имеют крайне важное значение как для патрологии, так и в целом для истории богословской мысли. Диссертация соответствует критериям, установленным «Положением о кандидатских диссертационных советах в Русской Православной Церкви».

«___» _____ 2022 г.

П. В. Кузенков, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник кафедры «Теология и религиоведение»
Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета

pk407@mail.ru

